

Культурный код

Борис Ручёв

Ударный манифест

По сети густой
объективных причин,
по срывам и левым и правым
мы ладим удачи,

мы властно кричим:
«Поправим! Направим! Исправим!»
Но часто по-старому рубит рука
застывшую глыбу прорыва,
и только хранит протокола строка
великие наши порывы.
И цифры обыденных сводок грозят
покоям губительно-чинным,
и кто-то опять прикрывает глаза
стеклом объективной причины.
Товарищи! В бури, и ночи, и дни
попробуем силы устроить.
Давайте по-своему время ценить,
работу по-своему строить.
Мы можем и отдых любить

и встречать,
но только подсчётом разведав,
чтоб каждый рабочий

отколотый час

был часом рабочей победы.

Чтоб звоном текло

напряжение труда

в горячие времена ливни.

По глыбе прорыва настроим удар,

по стеклам причин объективных!

И я поднимай стихов голоса,

в них бодрость, и разум, и чуткость,
за двадцать четыре ударных часа,

без устали движущих сутки!

За ломку прорывов,

причин и препяд,

за темп, не изведенный в мире,

за стойкость большую

ударных бригад

и за пятилетку в четыре.

Товарищи! В бури, и ночи, и дни
и бодрость и силы устроим,

и время по-своему будем ценить,

работу по-лучшему строить.

Не бросим ни часа, ни шагу назад,
а главное – твёрдость и стойкость,

пока не придётся когда-то сказать:

«До срока закончена страйка!»

Борис Ручёв

Слово о Магнитках

Когда по велению
Упорства и плана
Идёт лучезарная
Сталь Казахстана,
То люди,
Встречая горячие слитки,
– Привет, – говорят, –
Казахстанской Магнитке!

В степях Приуралья,

У древнего Орска,

Рождается тёзка

Магнитогорска.

А вот уже слышим

Биение пульса,

Волнение пуска

Магнитки Тульской.

Горды белгородцы,

Тверды белгородцы:

Их стройка Магниткой

В народе зовётся!

О Липецкой – тоже

Несут в поднебесье

Высокие трубы

Крылатые песни.

В далеком Аньшане,

В горячем Бхилаи

Клокочет металл

Струя золотая...

Магниток немало

Опять на примете,

А сколько их будет

На нашей планете!

Но первая, та,

Под Магнитной горою,

Прострочена ветром,

Промыта зарёю

Роднее для нас,

Кто не просто в ней жил,

А сердце, и разум,

И волю вложил

И в первые камни,

И в первые домны,

И в первые станы,

И в первые тонны...

Ей было труднее

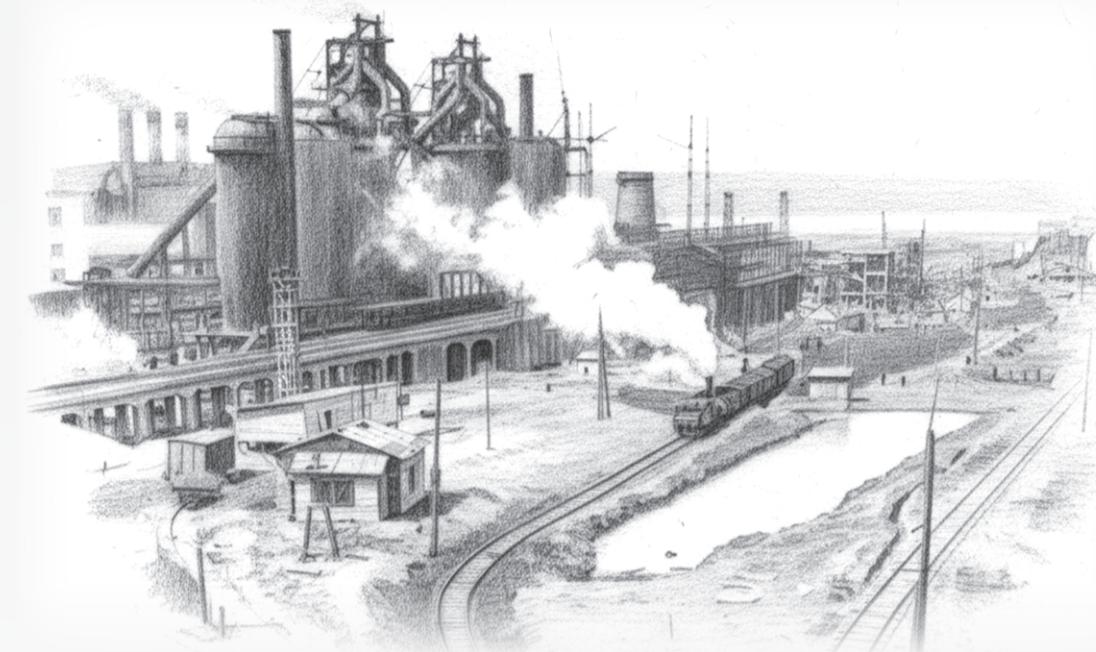
В тридцатом году

В морозы,

У мира всего на виду

Поэзия Магнит-горы

Жизнь градообразующего предприятия и судьбы тружеников –
ключевые темы магнитогорской литературы

В летописи Магнитки, которую город ведёт с эпохи первостроителей, запечатлены производственные рекорды и технологические прорывы, трудовые подвиги и мужественные ответы на вызовы времени. Вписаны в эту летопись и стихи магнитогорских поэтов, сумевших передать дыхание гиганта чёрной металлургии и города трудовой доблести, который называют Стальным сердцем Родины.

В преддверии дня рождения ММК предлагаем вниманию читателей подборку, в которой представлены поэты разных поколений. Борис Ручёв (1913–1973), Нина Кондратковская (1913–1991),

Римма Дышаленкова (1942–2016), Александр Павлов (1950–2011), Владимир Чурилин (1955–2003) признаны классиками магнитогорской литературы. У каждого из них свой узнаваемый почерк, но их стихи объединяют очень личное, пропущенное через самое сердце отношение к жизни комбината и других промышленных предприятий. Это и преломление в творчестве личного опыта (большинство магнитогорских литераторов начинали трудовую биографию на промплощадке), и неподдельное уважение к людям рабочих профессий, и поэтически зоркий взгляд на мир. Все они гордились малой родиной и писали о земляках с любовью.

Елена Лещинская

Горячими трубами
Небо прокалывать,
Характеры наши
В горнилах закаливать
И в тыщи мозолей,
Кирк да кайлом
Пластать горизонты,
Идя напролом.
Да так, чтоб со страстью,
С железною верой
За полное счастье
Немеряной мерой
Воздать.
И не просто
Отчизну прославить,
А Завтра
В Сегодняшний день
Переплавить.
Так пусть же на карту
Всё гуще,
Всё шире
Магнитки для мира
Наносятся в мире.
Пусть каждая
Честью и славой
По праву
Умножит
Уральского первенца
Славу!

Борис Ручёв

Я спрошу красивую казашку –
солнце в чёрном золоте волос:
– Знаешь ли, что в государстве
нашем

И блеснёт казашка огнеглазо,
с губ уронит яблоневый цвет:
– Я в Магнитогорске не была
ни разу,

на Магнитострое был мой дед.
Мореход, певец Калининграда,
бросит якорь на краю страны:

– Знаю... Мой отец точил снаряды

на Магнитке до конца войны...

Мне споют четыре осетина,
обнявшись за праздничным столом:

– Уастарджи! Наполни нам кувшины

в честь Магнитки молодым вином!

Город мой, мой работящий город!
И куда судьба ни позовёт,

мы, как паспорт, предъявляем гордо

имя мускулистое твоё.

Дружбой нам соединяя руки,
о Магнитке говорит Москва:

только бровень с Родиной поступки,

только бровень с Родиной слова.

Девчоночки

Девчоночки-электросварщицы
снялись бригадою на фото.

Год сорок третий рядом значится,

а им, девчоночкам, не плачется,

они смеются отчего-то.

Они забыли на минуточку
войны кромешные невзгоды,
фотограф ли весёлой шуточкой
отвлёк девчонок от завода.

Нина Кондратковская

Я спрошу красивую казашку –
солнце в чёрном золоте волос:
– Знаешь ли, что в государстве
нашем

А может быть, принес эфир
победы радостные вести,
а может, парень-бригадир
девчонкам очень угодил:
впервые их назвал невестами...

Ну, как спортсменки-
фехтовальщицы,
там электроды, как рапиры,
девчоночки-электросварщицы,
готовые к войне и миру.

Глаза весёлые, бедовые,
из-под береток лезут банты...

А над бригадой домна новая,

где буквы вварены суровые:

«Смерть! Смерть –
фашистским оккупантам!»

Александр Павлов

Вечный жар

Люблю тебя, мой город юный,
ну что поделаешь – люблю...

Твои зарницы ночью лунной,

судьбу рабочую твою.

Люблю тебя, и в спорах длинных

о городах земли моей

на самый гордый, самый дивный

не променяю – хоть убей!

Замечу всё, где жил и вырос,

где испытал себя огнём,

где из дорог солдатских вынес

всё то, что Родиной зовём.

Где домны в ряд над комбинатом,

всегда видны издалека,

стоят полночными атлантами,
взвалив на плечи облака.
Стоят высоко и послушно
и разливают вечный жар
в людские судьбы, жизни, души,
в глаза красивых горожан.

Разговор с диспетчером

В путейской конторке
с натопленной печкой
во все телефоны
ругался диспетчер.
Качайся и вейся,
эфириная ссора!
Диспетчер путейский –
судьба дирижёра.
По жилкам дорог
на потрёпанной схеме
ты водишь составы
под знаками всеми.
А с ними, а с ними,
не мысля над сутью,
ты водишь меж станций
путейские судьбы.
Скажи мне, диспетчер,
седой чародей:
зелёная улица –
где она, где?
Открой мне дорогу,
а ну, пропусти!
Как долго мне быть
у тебя не в чести?
– Пустить – не беда.
А не станешь обузой?
Пройдёшь ли
особо ответственным грузом?

Владимир Чурилин

Я бился с этой гайкой –
Хоть лопни, хоть убей...
Товарищ молвил:
– Дай-ка...
Он хмыкнул:
– Не робей.
И я услышал в гуле,
Окрашенном огнём:
– Раз люди завернули,
Мы, люди, отвернём.
Нас после жизни крутила,
Пророчила беду.
Но вспомнил бригадира –
И сердцем отойду.
Под ветры ли...
Под пули...
Всё думаю о нём.
«Раз люди завернули,
Мы, люди, отвернём...»
А годы снова мчатся,
Дороженька – не гладь,
Мне –
Плакать и прощаться,
И падать, и вставать.
Мне
Видеть небо звёздным,
И верю,
Что когда
Мне время скажет:
– Поздно...
Отвечу:
– Ерунда!
На счастье,
На беду ли,
К звезде или ко дну...
Найду, где завернули, –
И напрочь отверну.

Поззия Магнит-горы

Весомой поступью рабочей
Наполнив гулкие цеха,
Сквозь тьму осеннюю грохочет
Строка горячего стиха.

Слова что голуби под крышей,
Им здесь просторно и светло,
Они взлетают выше... выше...
И камнем падают в тепло.

К себе приковывая взгляды,
Разряды выгнулись дугой,
Уже гудит под эстакадой
Рабочей гордости огонь.

И ты прислушайся: грохочет,
Наполнив синие дворы,
Как зарево осенней ночи,
Поэзия Магнит-горы.